

Елена ИВАНОВА

Авторитет профессионала

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О Л.Н. ИВАНОВЕ

Из Москвы в Казань мы выехали в дачном поезде эшелонем Академии наук в дни, когда немцы подошли к Москве совсем близко. Это было незабываемое 16 октября 1941 года.

Ехали до Ульяновска, а оттуда уже в Казань. Зал Казанского университета был весь заставлен железными кроватями (говорили, что О.Ю. Шмидт закупил все имеющиеся в Казани кровати).

Расстояние от одной семьи до другой было таким узким, что трудно было протиснуться между кроватями. Вещи наши были сложены внизу, при входе и утром часть их исчезла. Но это все между прочим.

Главное — настроение у всех было тяжелейшее. Казалось, что все кончено. И поэтому было крайне необходимо, чтобы кто-то, обладающий профессиональными знаниями и авторитетом, мог рассказать растерянным людям о том, что в истории уже бывали аналогичные ситуации, которые получали неожиданно благополучный исход. Надо было, чтобы кто-то сумел проанализировать общее распределение сил — военных и политических — во всем мире, на суше и на море, и вселить надежду при сложившемся тяжелом положении и веру в будущее.

Таким человеком был мой муж Л.Н. Иванов, историк-международник, в то время член-корреспондент АН СССР. Он читал свои лекции при переполненном зале в Университете, и слушатели горячо благодарили его за них. Эти лекции не были особенно оптимистичными, они скорее были реалистичными, но все же в них звучала уверенность в нашей конечной победе.

Огромным счастьем для всех было сообщение о победе наших войск под Москвой в декабре 1941 года.

Кроме публичных лекций, Лев Николаевич за месяцы своего пребывания в Казани (в апреле 42-го года он был вызван Политуправлением Военно-Морского Флота в Москву) неоднократно выступал в воинских частях, расположенных близ Казани.

Блестящим рассказчиком был Евгений Викторович Тарле. Он также выступал в зале Университета, но его темой обычно были минувшие эпохи.

Иванова Елена Константиновна — жена Льва Николаевича Иванова, историка и экономиста, с 1943 года действительного члена Академии наук СССР.

Анна ШЕХТЕР

“ГРЕЛКИ” душевной теплоты

Мы прожили в Казани два военных года — с сентября 1941 по сентябрь 1943 года. Мы с мужем, членом-корреспондентом Академии наук СССР Симоном Залмановичем Рогинским, приехали в Казань не вместе. Он оставался в Ленинграде и уехал только в сентябре 1941 года с Институтом химической физики, а я с моей матерью, племянницей двенадцати лет, дочерью восьми лет и в ожидании второго ребенка уехала из Ленинграда в начале июля 1941 года по Неве, налегке, на последнем прогулочном катере, отходившим в Шлиссельбург (поезда тогда уже не шли). От Шлиссельбурга мы на грузовой барже плыли по Мариинской системе и попали в Казань через Горький в сентябре 1941 года, где мой муж уже встречал нас на пристани.

Как и все ленинградцы, мы не были обременены вещами, но и то, что было, в основном пришлось потом обменять на продукты на барахолке, так называемой “Сорочке”.

Первые дни в Казани мы прожили в гостинице “Татарстан”, а потом комиссия по размещению эвакуированных поселила нас на улице Баумана, 35, в квартире № 2.

Сейчас, когда Казань стала красивым современным городом, трудно поверить, что в то время в центре города на улице Баумана (более известной тогда как Проломная улица) помещалась контора “Заготзерна”, и во двор постоянно въезжали лошади с телегами или санями, везущие зерно. Моя дочь с нежностью вспоминает работников этой конторы, которые часто насыпали детям полные подолы сухого лущеного гороха.

В квартире ранее проживал известный врач профессор Лурия, переехавший еще до войны в Москву. В сентябре 1941 года это была огромная коммунальная квартира (кажется, семь или восемь комнат). Население в квартире было около 35–40 человек. Водопровод и канализация вышли из строя в самом начале зимы, и все “удобства” были на дворе.

Из жильцов квартиры мы подружились с исключительно симпатичной семьей, главой которой была пожилая Махира Валиевна, проживавшая с внуком Ильдаром. Особенно мы сблизились с часто навещавшей Махиру Валиевну ее племянницей Маршидой Валиевны Монасыповой, врачом, работавшей тогда в клинике профессора Маненкова. Маршида Валиевна сделала нашей семье много добра, и как врач и как неизменно доброжелательный внимательный друг.

Очень добрая память осталась у нас о прекрасном и отзывчивом казанском враче З.И. Малкиной, лечившей наших детей. Вспоминаю, как она безотказно приходила к нам в темноту и непогоду.

На улице Баумана мы прожили одну зиму, а в 1942 году переехали в здание Дворца Труда, где было размещено большое число эвакуированных ученых с их семьями. Жили мы в комнате 51. Помню я, конечно, не всех. Жил там академик Сергей Львович Соболев с четырьмя детьми, женой и двумя бабушками, академик Черняев с женой, которая успешно обучала столичных неумех секретам засолки капусты, академик Петр Иванович Лукирский с женой, академик Абрикосов с женой и двумя детьми, первая жена академика Абрама Исааковича Алиханова Анна Григорьевна Алиханова с детьми (сам А.И. Алиханов, кажется,

**С.З. Рогинский
в первые годы
после войны.**

ся, тоже жил в Казани, но в другом месте), профессор Ольга Николаевна Подвысоцкая с мужем Яковом Борисовичем Капланом, профессор Уразов с семьей, семья академика Шулейкина. Не помню, там ли жил знаменитый академик Тарле, но лекцию его мы однажды слушали. Жил там с семьей профессор Назаров, известный широкой публике по изобретенному им клею.

Запомнилось, что несколько раз во двор Дворца Труда въезжал грузовик с живыми двустворчатыми моллюсками с Волги. Их вываливали на землю, и тут же начинался “пир”: на примитивных очажках из двух кирпичей все усердно жарили на сковородах без масла беззубок и жемчужниц. Это было неплохим белковым подспорьем и, кажется, было сделано по инициативе академика Леона Абгаровича Орбели.

Помню, что начальник лечебно-бытового отдела Академии наук СССР Ной Соломонович Гозенпуд много сделал для облегчения быта ученых. В частности, был организован пионерский лагерь в Шеланге, где в разное время пребывали все наши дети.

Члены семей эвакуированных ученых участвовали в общественной работе. Жена академика Николая Николаевича Семенова, очень музыкальная и артистичная, организовала из детей ученых то, что сейчас бы назвали агитбригадой. Дети с успехом выступали в госпитале на Ершовом Поле, танцевали, пели, декламировали. Моя не обладающая музыкальными талантами дочь, в частности, декламировала “Монтера” Зоценки и “Мистера-Твистера”

Маршака. Когда ей случалось забыть в “Мистере-Твистере” слова, молодые раненные бойцы участливо подсказывали ей из зала. Интересно, что из участников этой “агитбригады” вышла известная балерина Большого театра Марина Кондратьева, дочь академика Виктора Николаевича Кондратьева, тогда девочка восьми лет.

Мы с дочерью тепло вспоминаем Казань, где она пошла в первый класс в школе, помещавшейся близко от нас в Доме Печати. Помню имя ее первой учительницы: Людмила Зотовна. Во втором классе дочь училась в школе № 15. Здесь ей посчастливилось попасть к отличной преподавательнице, ученице отца В.И. Ленина, Зинаиде Гурьевне. Лучшей учительницы она не встретила во всей ее последующей школьной жизни.

В лаборатории катализа Института химической физики, руководимой моим мужем, тематика во время войны была в основном закрытой, оборонного характера. Из работ по теории катализа, широким фронтом развивавшихся в лаборатории до войны, была сохранена лишь небольшая часть.

Велись исследования по улучшению шихты противогаров с помощью каталитических добавок, а также по усовершенствованию и видоизменению каталитических грелок, предназначенных для обогрева рук снайперов и ног летчиков и др., а также для разогрева двигателей автомашин, танков и самолетов. Первый — бензиновый — вариант такой грелки, работавший на платиновом катализаторе, был предложен С.З. Рогинским с сотрудниками еще до войны. Это была так называемая грелка РЕК. В Казани во время войны шла интенсивная работа по усовершенствованию грелки РЕК и изготовлению различных ее вариантов, предназначенных для разных целей. (Например, специально для летчиков делались плоские грелки, которые закладывались в надеваемые летчиками унты.)

Хотя теоретические работы были сильно сокращены, все же велись исследования по развитию и экспериментальной проверке опубликованной С.З. Рогинским незадолго до войны первой научной теории приготовления активных катализаторов, известной как “теория пересыщения”. В Казани С.З. Рогинский продолжал разработку этой теории. Здесь же им была начата разработка статистической теории каталитических и адсорбционных явлений, завершенная в Москве.

Шехтер Анна Борисовна — профессор, доктор физико-математических наук.

**Ю.Б. Харитон,
Я.Б. Зельдович
и В.И. Гольданский
(слева направо)
во время 50-летнего
юбилея Института
физической химии
в сентябре 1981 г.
в Москве.**

